

Рассказ Клеманс Новель

До того, как умру, мне хотелось бы...

Написать роман, который будет продаваться на пяти континентах в переводе на 43 языка.

Встретить прекрасного принца.

Совершить кругосветное путешествие на белой яхте.

Дожить до пятидесяти лет без единого белого волоса.

Проскакать через всю Австралию на белом коне.

Мм... Что еще?

Мм...

Белое! Белое!

Мне стыдно перечитывать то, что я написала.

Банально — дальше некуда. Так и хочется смять бумагу в плотный комок и затолкать на самое дно мусорного контейнера на парковке, под диким манговым деревом. Петух насмешливо смотрит на меня с ветки.

Кретин!

Маркизские острова — сказочное место, есть только одно «но»: тысячи разгуливающих на воле петухов ночами не дают вам спать, а днем нагло пьются на темные круги у вас под глазами.

Беру чистую страницу.

МОЯ БУТЫЛКА В ОКЕАНЕ

Глава 1

Ну вот, с этого и начну: меня зовут Клеманс.

Клеманс Новель.

Как описать себя покороче? Тридцать лет (без нескольких месяцев), парижанка (несколько остановок на электричке не в счет), одинокая (если не считать нескольких любовников-вампиров, которых, как правило, обращает в бегство утреннее солнце), работаю в колл-центре в Нантерре. Не слишком женственная, с короткой стрижкой, предпочитаю походные ботинки, штаны-хаки и свободные футболки.

Это мой камуфляж.

Хоть я и похожа на парня, но люблю то, что парням не так уж нравится, — слова! Я подала заявку на конкурс только ради этого: укладывать слова, укутывать их, дать им подремать до тех пор, пока не сложатся в роман, в мой роман, в мою брошенную в океан бутылку.

Я боюсь перечитывать начало...

Рассказ Клеманс Новель

До того, как умру, мне хотелось бы...

Часы на атуонской церкви только что пробили двенадцать. Мне ни за что не успеть. Скоро Танаэ позовет нас обедать, а ПИФ собирает задания, перед тем как сесть

за стол. И все же я медлю, смотрю по сторонам. Несколько девчонок на самодельных досках пытаются кататься на волнах, мальчишки гоняют мяч на футбольном поле, занимающем весь пляж, — лучший стадион мира! У меня за спиной культурный центр Бреля, до него метров сто, двери открыты, и я слышу, как поет великий Жак:

Мечтать о несбыточном, разрываться от печали разлуки,
Забиться в дорожной горячке, исчезнуть там, куда
заказан всем путь¹.

Мечтать о несбыточном, отправиться туда, куда другим
путь заказан... Вот спасибо, Жак! Необязательно было
гробить мне настроение. Мои белая яхта и белый конь
рядом с твоими гениальными строками. Всё-всё, я поняла!

Перебираю в памяти сегодняшние наставления куратора.

Упражнение № 2. До того, как умру, мне хотелось бы...

Сочините продолжение. Не подражайте никому, удивляйте, смейте, умиляйте, но главное — будьте искренни. У вас есть три часа.

Это было три часа назад.

До того, как умру, мне хотелось бы...

Не познать самого большого позора за всю мою жизнь, сдав... белую страницу?

Смотрю в свою тетрадь, повторяю первые, вчерашние наставления:

¹ Из песни «Приключение» (*La quête*), вариации Жака Бреля на песню из мюзикла «Человек из Ла-Манчи».

Упражнение № 1. Вы бросаете в океан бутылку.

Пишите, пишите всё, без стыда, без страха, без оглядки, пишите так, будто никто никогда не прочтет ваш роман, будто вы готовы бросить все это в воду.

Ну поехали, пишу. *Моя бутылка в океане*, роман Клеманс Новель. Глава первая. Упражнение № 2.

Ну и ладно, пишу как пишется, не выстраивая слова. *До того, как умру, мне хотелось бы...*

Остаться здесь навсегда, вот что! На всю жизнь! Не улетать, не возвращаться в Париж.

Я снова отвлекаюсь, вспоминаю перелет Париж — Таити, двадцать два часа, пересадка в Папеете, и еще четыре часа лететь до Маркизских островов, не отליпая от иллюминатора, чтобы ничего не упустить, наглядеться на атоллы и на лазурь ярче тех чернил, какими я подростком записывала свои стишки.

Вижу, как мы приближаемся к Хива-Оа, изумрудной горе, которая вынырнула из ниоткуда и, по мере того как приближался к ней маленький «боинг» компании *Air Tahiti Nui*, казалась все более дикой и неисследованной. Весь остров зарос лесами, кроме нескольких окруженных пальмами пляжей — будто оазисы наоборот.

Слышу звук, с которым шасси касаются бетонной полосы крохотного аэродрома имени Жака Бреля, вдыхаю аромат ожерелий-талисманов из цветов или красных зерен, что дарят пухленькие островитянки, едва ты сойдешь по трапу.

А потом вспоминаю первое свое огорчение — связи нет. Первое из длинного ряда разочарований: нет витрин — нечего разглядывать, нет баров — негде выпить, нет светофоров — не злит красный свет. Прежде чем смириться, я раз двадцать вытаскивала айфон

в разных концах острова: нет, нигде не ловит! Не обменяться эсэмэсками, не отправить селфи, никаких новостей, ни семьи, ни подруг, никто не будет доставать.

Вот, точно! Хочу остаться здесь до самой смерти! В двадцать девять с половиной лет у меня нет ни постоянного друга, ни постоянной работы — так что меня держит в Париже?

Вот, точно! Застрять на Хива-Оа до конца своих дней. Гоген продержался тут пятнадцать месяцев, Брель — двадцать семь, я могу побить рекорд. Легко!

И пусть меня похоронят здесь, на кладбище в Атуоне, где-нибудь между Полем и Жаком. У маленького кладбища есть свой художник и свой музыкант, осталось только собственным писателем обзавестись! Если уж на то пошло, женщина даже лучше, хоть какое-то равноправие.

Откладываю ручку. Перечитываю. В конце концов, может, не так уж и плохо получилось.

Сверху, от пансиона, к пляжу несется долгий трубный звук, напоминающий затонувшую пожарную сирену, — Танаэ дует в свою раковину. Первый сигнал.

Пора обедать.

В «Опасном солнце» с этим не шутят. Когда раковина позовет во второй раз, все должны собраться на террасе. В меню тартар из тунца, цыпленок с листьями *фа-фа* — полинезийского шпината, банановый десерт *поэ*, еще с десятков блюд... и наши сочинения!

Петух испугался и улетел. Какая-то островитянка припарковала у мола свой пикап — приехала за малолетними серфингистками. Дежурные в Культурном центре Бреля выключили музыку и ушли обедать.

Не могу заставить себя выбраться из постели. Как школьница, не успевшая доделать уроки, я стараюсь